

И. С. ЛУРЬЕ

О МОСКОВСКОМ ЛЕТОПИСАНИИ КОНЦА XIV в.

Вопрос о существовании и характере московских летописных сводов XIV в. принадлежит к числу наиболее сложных и наименее разработанных в истории летописания. Ближайшим отражением московского летописания следует, очевидно, считать Троицкую летопись (далее: Тр.), составленную в начале XV в. в Москве. Но Тр., как известно, не сохранилась — она погибла в 1812 г. — и текст ее приходится реконструировать на основе дошедших до нас памятников. Наиболее надежной основой для такой реконструкции служат разночтения к начальной части (до 906 г.) Лаврентьевской летописи, подведенные по Тр. в незавершенном издании 1804—1811 гг., и цитаты из Тр., приведенные в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина; однако эти фрагменты довольно малочисленны и основной текст Тр. восстанавливается в разделе до XIV в. по Лаврентьевской летописи, а с начала XIV в. — по Симеоновской (далее: Сим.) и последней части (начиная с 1328 и особенно с 1375 г.) Рогожского летописца (далее: Рог.), обнаруживающим, судя по цитатам у Карамзина, большую близость с Тр.

Уже А. А. Шахматов обратил внимание на текст Тр. под 1392 г. (прочитываемый Н. М. Карамзиным), где упоминается предшествовавший ей летописный памятник. Говоря об несанкционированности новгородцев, составителей Тр. восклицал: «Кого от князя не прогневаша? или кто от князь угоди им, аще и Великий Александр Ярославич не утровоил им? . . . аще хочещи расшатывати, разгни книгу, Летописец великий Русьский, и прочи от Великого Ярослава и до сего князи нынешнего».¹ Отмечая, что тождество Сим. и Тр. (судя по Карамзину) доходит до 1390 г., Шахматов высказывал предположение, что «Летописец великий Русьский» (далее: ЛВР) представлял собой общерусскую летопись, доведенную

¹ Карамзин Н. М. История государства Российского, т. V. СПб., 1802, прим. 148.

до воцеления «князя нынешнего» — Василия I (1389 г.) и окончательного утверждения в Москве митрополита Киприана (1390 г.), т. е. Киприановскую редакцию общерусского свода, неиспользованную Тр. в качестве источника.²

Важные аргументы против этого предположения были высказаны М. Д. Приселковым, предпринявшим грандиозную по объему работу по реконструкции Тр. Помимо указанных выше памятников, ученый привлек для реконструкции еще обширный фонд цитат Карамзина, данных без прямых ссылок на источник, ни исходящих, очевидно, именно к Тр. Уже в 1922 г. он говорил о поставленной им задаче: установить те летописные источники всех пяти томов (до начала XV в.) «Истории» Н. М. Карамзина, «ссылки на которые почему-то опущены», и выделить «этот остаток выписок, который, не соответствуя ни одному летописному своду, до нас от времени работы Н. М. Карамзина сохранившемуся, мог быть отнесен со всею вероятностью к утраченной Троицкой»; он писал: «Поставленная выше задача — разложить и примечания и текст на указанные источники, — пугающая первоначально своей мелочностью и кропотливостью, вознаграждает исследователей рядом положительных результатов».³ В 1939 г. он говорил о работе по определению «всех без исключения летописных выписок Карамзина, в отношении к которым у Карамзина нет указания на летописные источники», как об уже завершённой и отмечал, что при таком определении он обнаружил «лишь ничтожное количество случаев, когда эти выписки давали чтения Софийской I (три раза), Новгородской IV (четыре), Псковской, Ростовской и Печорской летописей»; все остальные выписки оказались относящимися либо к Ипатьевской, либо к «харатейным» (пергаменным), единственным представителем которых была для времени, начиная с середины XIV в., Тр. Приселков откладывал, однако, «ссылающиеся об источниках Карамзина к другому месту и времени».⁴ К большому сожалению для науки, эта работа Приселкова не сохранилась: она погибла либо в начале 30-х, либо в начале 40-х годов (М. Д. Приселков умер в начале 1941 г.; бумаги его оставались у жены во время блокады Ленинграда). До нас дошел только основной итог его исследования — уникальная по своему характеру реконструкция Тр. (с точным указанием источника каждого известия и оснований для его отнесения к Тр.). И именно учет всего фонда известий Тр. позволил Приселкову с несомненностью установить теснейшую связь этой летописи на всем ее про-

² Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV и XV вв. — ЖМНП, 1900, № 11, с. 151.

³ Приселков М. Д. Летописание XIV века. — В кн.: Сборник статей по русской истории, посвященный С. Ф. Платонову. СПб., 1922, с. 25—26.

⁴ Приселков М. Д. О реконструкции текста Троицкой летописи 1408 г., сгоревшей в Москве в 1812 г. — Уч. зап. СПб. ун-та. Герцена, т. XIX. Наблюдения по истории СССР. Л., 1939, с. 27. Ср.: Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.—П., 1950, с. 30—31.

гласения с митрополитом Кириилом. «Кирииловские» черты обнаруживаются и в тексте до 1390 г., идентичном с Сим. (отчасти и с Рогом.), и в последней части — за 1390—1408 гг. Такими известия 6885 г. о сопернике Кириила Митие и соответствующие упоминания об Олгарде (призванном Кириилом ранее московского князя), известие 6898 г. о торжественном приходе Кириила в Москву, известие о снятии Кириилом сана с турецкого епископа в 6912 г., о смерти митрополитского печатника Дорофея в 6913 г., подробный рассказ о смерти и завещании Кириила под 6914 г.⁵

Но если Тр. была митрополитским сводом, то что же представляла собою ЛВР, на который Тр. ссылалась как на иной, предшествующий ей памятник? Именно определение Тр. как митрополитской летописи побудило М. Д. Приселкова считать, в отличие от А. А. Шахматова, что «общерусский митрополитский свод 1409 г.» (Тр.) имел в числе своих источников московскую великокняжескую летопись, «великий русский летописец», очевидно, окончившийся смертью Дмитрия Донского.⁶ В отличие от Шахматова Приселков считал также, что Сим. и Рогом., несмотря на значительное расхождение их текста после 6898 (1390) г. с текстом Тр., все же восходили именно к своду 1408—1409 гг. (а не к ЛВР) и включали, хотя и «конспективно», некоторые его известия: «Конспективное изложение Троицкой летописи, сохраненное Симеоновскою летописью на пространстве 1391—1408 гг. (так как Рогожский летописец опускает изложение 1401—1409 гг., то может быть привлечен сюда лишь для известий 1391—1400 гг.), играет для нашей задачи реконструкции текста Троицкой летописи весьма значительную роль».⁷

Приселковская реконструкция Тр., опубликованная посмертно (в 1950 г.), прочно вошла в науку, часто даже используется и цитируется (несмотря на предупреждения автора) как подлинный текст летописи. Особенно важное значение для исследования истории летописания имеет сделанное М. Д. Приселковым наблюдение над дальнейшими судьбами летописания XIV в.: в летописях последующего времени не обнаруживается следов иной московской традиции, нежели та, которая представлена Тр. Приселков установил это обстоятельство, опираясь на летописание XVI в.; оно подтверждается и летописями XV в. Это наблюдение позволило исследователю прийти к выводу, что составитель Тр. (свода 1408 г.), «ссылаясь на Летописец великий русский, имел его в качестве своего основного, едва ли не полностью исчерпанного источника до 1389 г. включительно».⁸

⁵ Приселков М. Д. 1) Летописание XIV в., с. 31; 2) История русского летописания XI—XV вв. М., 1946, с. 129—130.

⁶ Приселков М. Д. Летописание XIV в., с. 32.

⁷ Приселков М. Д. 1) О реконструкции текста Троицкой летописи. . . , с. 44; 2) Троицкая летопись, с. 45—46.

⁸ Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв., с. 121; ср.: Мурье П. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. М., 1976, с. 62—63.

Многие вопросы, связанные с летоисчислением конца XIV в. и с Тр., по-прежнему нельзя считать решенными. Как ни важны указания М. Д. Приселкова на то, что большинство неавтентифицированных связей Карамзина за XIV—начало XV в. относится к Тр., то обстоятельство, что исследование Приселкова, посвященное этому вопросу, до нас не дошло, всегда будет порождать сомнения в происхождении той или иной неавтентифицированной цитаты из Карамзина. Для реконструкции Тр. могут быть привлечены, наряду с неиспользованными Приселковым, еще некоторые источники — Владимирский летописец, опубликованный в 1965 г., Белорусская I (Западнобелорусская) летопись, в ряде случаев совпадающая с Рог. и происходящая, очевидно, в общем с ним протографу.⁹ Однако и в этих летописях сходство с Тр. (цитатами Карамзина) наблюдается в основном в части до конца XIV в.; лишь два известия Владимирского летописца после 1390 г. совпадают с Тр.¹⁰

Одно положение, высказанное М. Д. Приселковым, явно требует пересмотра. Считая, что текст Сим. в разделе за 1391—1409 гг. содержит «конспективное изложение» Тр., исследователь, как мы видели, отмечая, что «в этом случае Рогожский летописец опускает изложение 1401—1409 гг.». Однако несколько лет назад В. М. Клозе сделал важное наблюдение над текстом Сим., ставящее под сомнение этот вывод Приселкова. Он обнаружил, что текст Сим. за 6909—начало 6917 (1401—1409) г., отсутствующий в Рог., явно вторичного происхождения и, подобно нескольким фрагментам Сим. за предшествующие годы (6743—6745, 6747—6757, 6869—6872), заимствован из второго источника Сим. — Московского свода конца XV в. Об этом свидетельствуют дублировки под 6909 г. ряда известий, читавшихся уже под 6908 г., и характерная именно для Московского свода фраза после заглавия Кириана о том, что после Кириана такое же заглавие ныне остаются «и прочие митрополиты» (фраза эта могла быть написана не ранее 60-х годов XV в.).¹¹ Таким образом, не Рог. опустил известия 6909—начала 6917 г., а Сим. вставил эти известия в текст общего протографа, где их не было.

Что же представляла собою этот текст общего протографа Сим. — Рог. за конец XIV—начало XV в.? Анализ известий Сим. и Рог. за 6898—6909 и 6917—6920 гг. обнаруживает прежде всего твер-

⁹ Ср.: Л у р ь е Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв., с. 36—42.

¹⁰ Владимирский летописец издав: ИСРЛ, т. XXX, М., 1965. Ср. во Владимирском летописце с Тр. известия 6900 г. о смерти Даниила Феофановича (у Карамзина в прим. 234 дано без ссылки на Тр., но в прим. 246 упоминается наличие этого известия в Тр.) и 6903 г. об освящении церкви Успенския на Симонове (у Карамзина без ссылки на Тр.).

¹¹ К л о з е В. М. и Л у р ь е Я. С. Русские летописи XI—XV вв. (Материалы для описания). — В кн.: Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, вып. 2, ч. 1, М., 1976, с. 113; ср.: Л у р ь е Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв., с. 26.

ское происхождение значительной части известий, среди которых подробней рассказ 6907 г. о смерти Михаила Александровича Тверского.¹² Уже А. А. Шахматов предполагал, что текст Сим. за эти годы «представляет, как кажется, извлечение из недошедшего до нас Тверского летописного свода»; тверской редакцией общерусского свода (доведенной до 1412 г.) считали общий источник Сим. и Рог. М. Д. Приселков и А. П. Насонов.¹³

Какие же известия общего текста Сим.—Рог. совпадают с Тр. и могут быть возведены к своду 1408 г.? Об известных 6917—6920 гг. в данном случае говорить не приходится: рассказ 6917 г. о походе Едигей, совпадающий в Сим. и Рог. не с самого начала (начало в Сим., очевидно, заимствовано из Московского свода), а со слов «грех ради наших... безаконии намаляние лукави мир счиниша», не имеет (судя по цитатам Карамзина) никаких совпадений с рассказом об этом событии, завершающим Тр. Речь поэтому может идти только о совпавших с Тр. и тексте Рог.—Сим. за 6898—6909 гг. Ни одно из этих совпадений не является текстуальным и настолько полным, чтобы текст Рог.—Сим. можно было уверенно возводить к своду 1408 г. Только одно известие, совпадающее с Рог.—Сим., имеет у Карамзина примечательную на Тр. — известие о смерти дая (хана) Темир Кутлун в 6908 г., однако в Рог.—Сим. говорится далее о воцарении Шенебека, а у Карамзина этого указания нет. Остальные сведения, обнаруживаемые под 6898—6903 и 6906—6908 гг., относятся к нецитируемым цитатам Карамзина; в ряде случаев эти цитаты и известия Сим.—Рог. имеют текстуальные различия.¹⁴

¹² Текст Сим. см.: ПСРЛ, т. XVIII. СПб., 1913; текст Рог. — ПСРЛ, т. XV, вып. 1. Пер., 1922. Кроме тверских известий, перечисленных далее (прим. 14), см. также известия, не упомянутые у Карамзина, за 6899 г. (посвящение тверского епископа Евфимия, поставление епископа Арсения), 6907 г. (мир между Москвою и Тверью), 6908 г. (борьба Ивана Михайловича Тверского с братьями), 6909 г. (продолжение борьбы Ивана Михайловича с братьями), 6917 г. (рассказ о нашествии Едигей с упоминанием Твери), 6918 г. (смерть епископа Арсения), 6919 г. (позволение Ивана Михайловича братьям, поставление епископа Антония), 6920 г. (смерть княгини Сидотвы).

¹³ Шахматов А. А. Статьи «Летописи» (Из «Нового энциклопедического словаря Брокгауза—Ефрона»). — В кн.: Шахматов А. А. Обзорные русские летописные своды XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, с. 367; Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв., с. 115—116; Насонов А. П. Летописные памятники Тверского княжества. — Изв. АН СССР, VII серия, отд. гуманитар. наук (№ 9—10), с. 757—758 (Насонов считал, что источником Сим.—Рог. был тверской свод 1425 г., составленный при князе Василии Кашинском).

¹⁴ Ср. Сим.—Рог. и реконструкцию Тр. под годами: 6898 (посвящение сына Михаила Александровича у Феодора Кошки), 6899 (посылка Бенгута на Витгу), 6900 (смерть Олзедройной жены Ульяны, у Карамзина указано еще монашеское имя и место погребения; в Тр., по Карамзину, под этим годом читалась на 20 листах похвала Сергию; в Сим.—Рог. краткое сообщение о его смерти), 6901 (смерть Ивана Дмитриевича, у Карамзина подробнее; князь Терюна, у Карамзина подробнее; поставление церкви Рождества, у Карамзина подробней рассказ; боюетие Василии и Сомены Суздальских в Орду,

При сопоставлении этих известий следует иметь в виду еще одно обстоятельство. Как в основной текст Сим.—Рог. за эти годы, многие из известий, имеющих параллели и цитатах Карамзина, связаны с Тверским княжеством: таковы известия о женитьбе сына тверского князя в 6898 г. (у Карамзина под 1394 г.), о поставлении церкви в Твери в 6902 г., смерти сына тверского князя в 6903 г., женитьбе его внука в 6906 г., поставлении церкви на Городце в 6907 г. Вполне вероятно поэтому предполагать тверское происхождение этих известий, принадлежность их протографу Сим.—Рог. — своду, доведенному до 1412 г. Характерно в связи с этим, что в Сим.—Рог. такие известия имеют специфические подробности, которых в цитатах Карамзина нет. Под 6903 г. говорится, что тверской князь Борис был погребен в «святом Александре», у Карамзина — «в соборной церкви Спаса»; под 6906 г. говорится, что устроителями женитьбы княжича Александра были не только его дед Михаил, но и отец Иван, у Карамзина (под 6905 г.) нет этого указания; под 6907 г. подробное известие об обновлении собора Святого Спаса переходит в развернутый рассказ о смерти Михаила Александровича Тверского, в Тр., судя по Карамзину, этого рассказа не было. Все это позволяет предполагать, что в данном случае не Сим.—Рог. заимствуют известия Тр., а скорее в своде 1408 г. (если Карамзин цитировал именно Тр.) они были заимствованы из тверского источника.

Таким образом, данных для того, чтобы возводить известия Сим.—Рог., читающиеся после 6898 (1390) г., к Тр., у нас почти нет. Нет поэтому достаточных оснований и для того, чтобы считать источником этих летописей именно свод 1408 г., а не более ранний московский летописный свод. Но если это так, то не следует ли вернуться к предположению А. А. Шахматова о том, что в основе Сим. (и Рог. — после 1328 г.) лежал общерусский свод 1390 г. — ЛВР?

Предположение о зависимости Сим. и Рог. от ЛВР высказывалось и после А. А. Шахматова: в конце 30-х годов — В. Л. Комаровичем и недавно — Г. М. Прохоровым.⁴⁵ Прохоров разделяет

у Карамзина под 6902 г. подробнее; порядок известий 6901 в Сим.—Рог. и у Карамзина совсем различный), 6902 (поставление в Твери церкви Феодосия и Антония, у Карамзина не совпадает), 6903 (рождение Василия I сына Юрия — разное обозначение дат; смерть Бориса Михайловича и Кашине — различные указания на место погребения), 6906 (женитьба внука тверского князя Александра, у Карамзина под 6905 г. иначе), 6907 (поставление церкви Михаила на Городце, у Карамзина под 6906 г. иначе), 6908 (убийство Романа Гриневского, у Карамзина под 6909 г. иначе).

⁴⁵ Комарович В. Л. Литература Москвы XIV в. — В кн.: История русской литературы, т. II, ч. I. М.—Л., 1946, с. 193—196; Прохоров Г. М. 1) «Летописец Великий Русский». Анализ его упоминаний в Троицкой летописи. — Летописи и хроники. Сборник статей 1976 г. М., 1976, с. 67—77; 2) Избиточные материалы Рогожского летописца — Вспомогат. истор. дисциплины, VIII. М., 1976, с. 185—203; 3) Центральнорусское летописание второй половины XIV в. — Вспомогат. истор. дисциплины, X. М., 1978, с. 159—181.

приведенный выше взгляд о заимствовании в Сим. фрагмента за 6909—начало 6917 г. из Московского свода.¹⁶ Но основой его построения является не это наблюдение, а сопоставление цитаты из Тр. о ЛВР с текстом Рог. Предполагая, что под «Великим Ярославом», начиная со времени которого составитель Тр. предлагал прочесть ЛВР, летописец подразумевал Ярослава Всеволодовича (отца Александра Невского), Прохоров приходит к выводу, что замечание Тр. проливает свет на композицию ЛВР: начало этого летописца, очевидно, начиналось со времени «Ярослава Великого», начала XIII в. Такую композицию летописного текста можно обнаружить, по его мнению, в Рог., где, правда, повествование идет не от сотворения мира, но первая часть кратка, а впоследствии более подробным, связным и непрерывным изложением ставится со статьи 6825 (1317) г. о битве на Липице. «Поэтому можно допустить, что указанные в отсылке в „Летописцу Великому Русьскому“ пределы свидетельствуют нам о композиции этого летописца», — предполагает Прохоров. Кроме того, он отмечает, что в Рог. князья Ярослав Всеволодович и Александр Ярославич называются, как и в отсылке Троицкой летописи, просто «Великими» и содержатся сведения о конфликтах между новгородцами и «Великими» Ярославом и Александром.¹⁷

К цитате из Тр. и содержащейся в ней информации мы еще вернемся, пока же отметим, что уже нехорошие моменты построения Г. М. Прохорова имеют сугубо предположительный характер. В приведенной цитате не говорится, что Ярослав и Александр именовались «Великими» в «Летописце великом Русьском», так они именуется не в отсылке на ЛВР, а в самой Тр.; не видно из фразы Тр., говорится ли в ЛВР что-либо конкретное о ссорах Ярослава с новгородцами (в цитате просто предлагается прочесть «от великого Ярослава»). Мы не можем быть вполне уверенными, что «великий Ярослав» в цитате — это бесспорно Ярослав Всеволодович (а не Ярослав Мудрый),¹⁸ и не знаем, действительно ли текст ЛВР начинается с Ярослава или составитель Тр. просто советова! «разгнать» с этого места ЛВР. Сам же Прохоров поощряет слова «разгнать . . . и прочее от . . .» как указание на то, что читателю предлагается «пропустить» в летописце всю до-

¹⁶ Прохоров Г. М. Центральнорусское летописание второй половины XIV в., с. 160—161. — Г. М. Прохоров, в частности, не ссылается в этом случае на наблюдение В. М. Клоаса, хотя книга, в которой упоминается данное наблюдение (см. прим. 10), и других случаях им цитируется (см., например: Прохоров Г. М. Центральнорусское летописание второй половины XIV в., прим. 14).

¹⁷ Прохоров Г. М. «Летописец Великий Русьский», с. 71—72.

¹⁸ Г. М. Прохоров считает невозможным видеть в «Великом Ярославом», упомянутом в цитате, Ярослава Мудрого, ибо отношения новгородцев с Ярославом Мудрым кажутся ему примером «необыкновенной покладистости новгородцев» («Летописец Великий Русьский», с. 72). Но, как рассказывается в Тр. (и Повести временных лет), Ярослав убил новгородских «варочитых мужей» в 1015 г. и отнял на казнь новгородцев варяжской дружины Ярослава.

татарскую историю; но если эта начальная часть все равно пропускается, то существенно ли была ли она краткой или подробной? Кроме того (как отмечает и автор), структура Рог. вовсе не меняется сколько-нибудь резко с 6823 г.; после этого года следуют опять краткие статьи, некоторая детализация изложения происходит раньше и рассказ о первых десятилетиях XIII в., затем снова следуют краткие статьи и хронологические выкладки и т. д.

Но если сходство композиции Рог. с предполагаемой композицией ЛВР представляется проблематичным, то дальнейшие попытки автора реконструировать летописец по Рог. наталкиваются на ряд едва ли преодолимых препятствий.

Прежде всего дошедший до нас текст Рог. доведен до 6920 (1412) г. и уже поэтому не может быть отождествлен с ЛВР, на который, как на более ранний памятник, ссылается Тр., доведенная до 1408 г. Сходный с Сим. с 1375 г. до конца (1412 г.) Рог., как мы уже отмечали, походит к тверской редакции общерусского свода, доведенной до 1412 г. Это признает и Г. М. Прохоров, предполагающий, что Рог. есть не ЛВР, а памятник XV в., в основе которого лежал свод 1392 г., посвященный «важные следы прикосновения митрополита Кирилла».¹⁹ В основе же свода 1392 г. лежала, по его мнению, ЛВР, первый великорусский летописный свод, «начало» которого «было положено» в 1375 г. «по инициативе великого князя Дмитрия Ивановича».²⁰ Текст этого летописца может быть восстаповлен по тексту Рог. до 1375 г.

Таким образом, проблему ЛВР, занимавшую когда-то А. А. Шахматова и М. Д. Присьякова, Г. М. Прохоров решает довольно неожиданным образом: этот летописец он считает и великокняжеским (в редакции 1375 г.), и митрополитским (в редакции 1392 г.).

Однако построение это вызывает ряд недоуменных вопросов. Если в основе Сим. и Рог. лежит один и тот же свод, доведенный до 1412 г., то почему мы должны предполагать, что первоначальный источник этого свода, доходивший до 1375 г., отражен в Рог., а в Сим. изменен? До 6793 (1285) г. Рог. представляет собой текст краткого летописца с большим числом новгородских известий; с 6793 по 6836 (1328) г. текст ее тождествен Тверской летописи; с 6836 по 6883 (1375) г. здесь содержится соединение тверских известий с общерусскими, читающимися в Сим.;²¹ далее Рог. и Сим.

¹⁹ Прохоров Г. М. «Летописец Великий Русьский», с. 75—76.

²⁰ Прохоров Г. М. Центральнорусские летописание второй половины XIV в., с. 167.

²¹ Там же, с. 177—178.

²² Вопрос о соотношении в третьей части Рог. (6836—6883) тверских и общерусских известий решался в научной литературе по-разному: А. Н. Насонов был склонен считать все известия этой части Рог., не идентичные Сим., известиями тверского свода (Насонов А. Н. Летописные памятники Тверского княжества, с. 725—727); автор этих строк предлагал относить известия Рог., сходные с Белорусской Летописью, к их общерусскому источнику (Тр.). (Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв., с. 39—42).

совпадают. Считаю, что текст ЛВР на всем протяжении сохранился в Рого., Г. М. Прохоров полагает, что Сим. (и Тр.) после 1375 г. содержат переработку первоначального текста, выразившуюся в возвращении московского летописания от ЛВР как децентрализованному состоянию, для чего были использованы московские летописи, еще не подвергшиеся вторичным материалам, причем большую роль сыграло в качестве примера, а в чем-то и источника — должна была сыграть Лаврентьевская летопись.²¹ Но когда и на

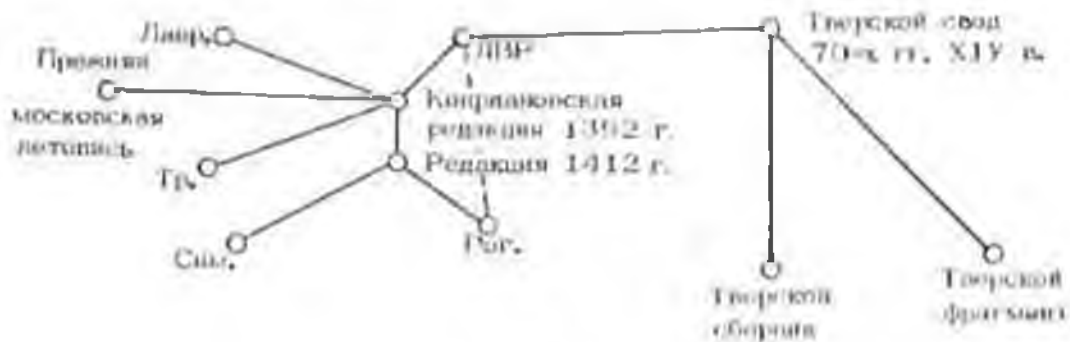

Схема 1.

какой стадии могла произойти эта переработка ЛВР? Ведь и Рого., и Сим. восходят к редакции 1412 г., а эта последняя, согласно Прохорову, — к кирилловскому своду 1392 г. Был ли свод 1392 г. уже переработан по материалам московской и Лаврентьевской летописей? Но тогда непонятно, каким образом, согласно Прохорову, первоначальный текст ЛВР оказался в Рого., восходящем через редакцию 1412 г. к тому же своду 1392 г. Для того чтобы это объяснить, нужно, как обычно в таких случаях, прибегнуть к предположению о вторичном влиянии: кроме редакции 1412 г. и свода 1392 г., Рого. должен был еще непосредственно обратиться к ЛВР (ср. схему 1, предполагаемое влияние отмечено пунктиром).

Наличие Г. М. Прохоров предполагает, что общий источник Сим. и Рого. — редакции 1412 г. — восходил к ЛВР, в котором еще не было кирилловских дополнений 1392 г.? Но тогда опять-таки оказывается непонятным, почему в Рого. обнаруживается ряд известий, которые Прохоров именует «кирилловским слоем» свода 1392 г. и которые действительно связаны с митрополитом Кирилом

Связанным с последним мнением, Г. М. Прохоров, однако, вообще отвергает возведение известий Рого. 6836—6883 гг. к двум источникам — тверскому и общерусскому: «Это означало бы, что Сим. или ее протограф, следуя в общему Тр., почему-то выбрасывает большие ряды ее сообщений в части именно до 1375 г.» (Прохоров Г. М. Наблюдения над материалами Рогожского летописца, с. 202, прим. 39). Но такое предположение совершенно не нужно: так предположено, что не Сим. выбрасывала тверские известия своего летописца, а, напротив, Рого. поставила эти известия (Дурьев Н. С. Общерусские летописи XIV—XV вв., с. 33, прим. 115).

²¹ Прохоров Г. М. Центральнорусское летописание второй половины XIV в., с. 170—180.

пом. Все они читаются в Рог. так же, как в Сим. Очевидно, и при таком варианте приходится прибегать к предположению о вторичном влиянии: редакции 1412 г. должна была испытать влияние и ЛВР, и киринатовского свода, а Рог., неизвестно каким образом, отбросить следы Лаврентьевской и впрямую московской летописей и возвратиться к структуре ЛВР (схема 2).

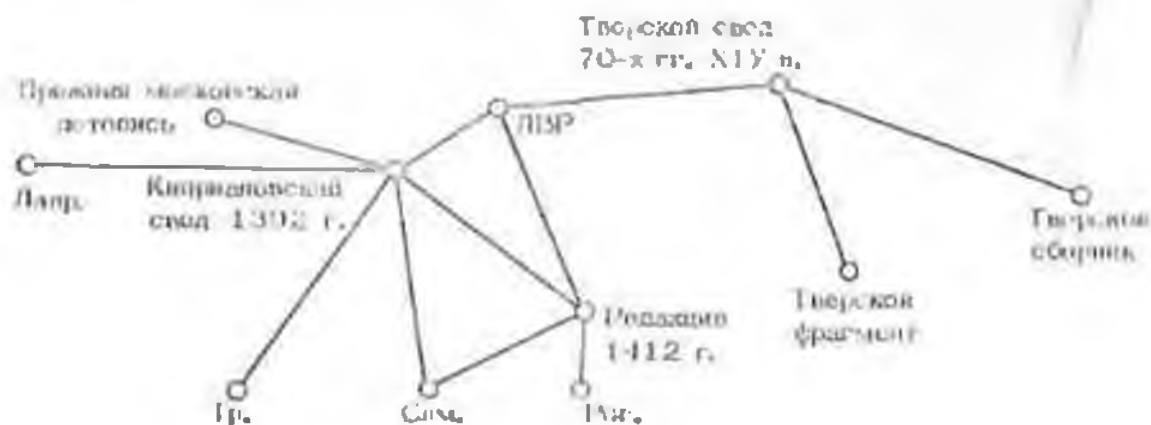

Схема 2.

Еще более очевидные затруднения возникают, когда мы пытаемся, исходя из построения Прохорова, объяснить происхождение средней (6799—6883 гг.) и начальной (до 6793 г.) частей Рог. Связь Рог. с тверским летоисчислением несомненна: с 6796 (1288) по 6835 (1327) г. здесь читаются почти исключительно тверские известия, и с 6836 (1328) по 6883 (1375) г. — тверские (включая известия об уделах Тверского княжества — Кашине, Холме и т. д.)²¹ и соединены с общерусскими. Текст в Рог. до 6835 г. полностью, а с 6836 г. частично совпадает с текстом Тверской летописи (Тверского сборника); тверской текст Рог. за 6822—6852 (1314—

²¹ Г. М. Прохоров придает особое значение тому, что значительная часть этих известий связана еще с самой Тверью и не с тверским великим князем Михаилом Александровичем, а с Кашином и с кашинской ветвью тверского княжеского дома (Г. М. Прохоров и Г. М. Исаичев. Материалы Роговского летописца, с. 192—194). Но Кашино — важнейший удел Тверского княжества, и противопоставить тверские и кашинские известия совершенно невозможно. Разбирая кашинский фонд известий Рог., мы легко можем убедиться в том, что известия эти не только не исключены с позиций кашинского князя Василия Михайловича, а явно ему враждебны: под 6806 г. Василий обвиняется в том, что, когда хан выдал ему без суда князя Василия Холмского, он поддержал его и его бояр (стольники великому); под 6874 г. описывается пламенный суд между Михаилом Александровичем и Василием, осужденный Василий; под 6875 г. говорится, что Василий, ахуля с московской помощью в Тверь, безжалостно расправился с тверичами; горячим соучастником Михаилу Александровичу и осужденному кашинскому князю за нечестие провинута и статья 6876 г. Вопреки мнению Прохорова Тверской сборник никак не может быть в этом отношении противопоставлен Рог.: «кабыточность» материалов Рог. объясняется просто пропуском тверских известий за 6850—6875 гг. в Тверском сборнике; даже тверские известия Рог. и Тверского сборника становятся почти идентичными (под 6882 г. в обеих летописях в одинаковых выражениях упоминается «Кашинский князь Васко»).

1344) гг. сходен с тверским летописным фрагментом, найденным А. П. Насыповым. С 6850 (1342) по 6875 (1367) г. в Тверском сборнике пропущены тверские известия (здесь помещен ростовский текст, близкий к Московско-Академической летописи), но в Рог. и за эти годы читаются тверские известия. Тверская летопись (называющая тверские известия вплоть до 1485 г. — времени присоединения Твери) и фрагмент 1314—1348 гг. — памятники явно и несомненно тверского происхождения; это обстоятельство не отрицает и Прохоров (искалывающий только, на наш взгляд без достаточных оснований, мнение, что возможность наличия Никоновской летописи на тверском фрагменте «исключить... нельзя»). Но как же соотносятся эти памятники с Рог.? Никакой схемы соотношений Рог. с Тверским сборником и фрагментом Прохорова не предлагает; очевидно, он считает, что в Тверской летописи и фрагменте тверское летописание отразилось в «чистом» виде (т. е. не прошедшее через нетверские своды), а в Рог. сохранились фрагменты тверского свода 70-х годов XIV в., уже исключенные в 1375 г. в ДВР и поглощенные московским общерусским летописанием (ср. схемы 1 и 2).

Но если в обоих тверских памятниках тверское летописание дошло непосредственно, а в Рог. через посредство по крайней мере двух совершенно противоположных по тенденциям памятников, то как же объяснить, что Рог. на всем протяжении с 1288 по 1375 г. передает тверские известия лучше и полнее, чем тверские памятники? В Рог. мы читаем множество известий, проникнутых тверскими политическими тенденциями и остро враждебных Москве. Здесь рассказывается о нападении московского князя Юрия с татарскими войсками Кавгадья на Тверь в 6825 (1317) г., о коварном убийстве в 6826 (1318) г. тверского посла, посланного «во любовь», о том, как Юрий и Кавгадья, «наставшими и учими дьяволом», подговорили хана на «убиение» Михаила Тверского, принявшего «смертную смерть за христианство и отчину свою», о том, как Иван Калита в 6830 (1322) г. вместе с татарами «по Низовским градом мнози ази христианоу сътвориша». Антимосковские тенденции обнаруживаются и среди известий Рог., не сохранившихся в Тверском сборнике, но явно тверских по тенденциям: под 6875 (1367) г. здесь говорится о том, что московские правители, «надеясь на свою великую силу, князи Русьскыи начаша приводити в свою волю» и попытались на тверского князя Михаила Александровича, под 6876 (1368) г. — о том, как Дмитрий Иванович и митрополит Алексей заманили тверского князя в Москву «любовною», задумав на него «смерть злою», и захватили его «через целование... да держали в неволе», под 6878 (1370) г. — о новом нападении москвитей, сожгших Тверь «многу ази». Могли ли все эти известия, враждебные московским князьям, читаться в ДВР Дмитрием Ивановичем? Прохоров (учитывающий известия 1367—1370 гг.) не дает на этот вопрос определенного ответа. С одной стороны, он указывает, что эти известия «прид ли... могли быть включены

в сводную летопись в Москве при великом князе Дмитрии Ивановиче и митрополите Алексее» и, возможно, восходит к последующей обработке, но при таком допущении возможность отождествления ЛВР с текстом Рос. до 1375 г. еще более сомнительна. С другой стороны, он указывает, что в московскую летопись могли попасть известия, в которых «московский князь выстает далеко не терпим-заступником»,²⁵ и допускает, что, «добравшись от побежденного князя Михаила Тверского признания своего главенства и прочного союза с ним на будущее, князь Дмитрий пошел на то, чтобы сводная летопись соединила оценки обеих сторон». ²⁶ Но если предположить, что текст Рос. до 1375 г. отражает ЛВР Дмитрия Ивановича, то придется не только допустить, что туда включались известия, резко правдивые самому этому князю и его непосредственным предшественникам. Нам придется также прийти к заключению, что «главная «сторона» — само московские князья — были страшным и обидным образом обойдена в этой летописи, особенно в разделе до 6836 (1328) г. Ибо в Рос. не оказывается даже тех скромных, но совершенно необходимых известий о московских князьях, которые читаются в этой части в Сил. и читались в Тр. Здесь нет известия 6811 (1303) г. (добавленного в Тр. к первоначальному тексту свода 1305 г.) о том, что переяславльский князь завещал свое княжение Даниилу Московскому, «того бо любиле паче всех», известия 6811 (1304) г. о смерти Даниила и получении Переяславля по «спареным прыкам» Юрием Московским, о походах Юрия Даниловича (под 6832 г.), о рождениях и смертях всех московских князей под 1317—1331 гг. и о закладке первого московского Успенского собора в 6834 (1326) г.²⁷ Несколькo странный состав текста для московского великокняжеского ЛВР!

Реконструируя ЛВР 1375 г. как текст, состоящий преимущественно из тверских (или тверско-кашинских, что в сущности, как мы отметили, одно и то же) известий, Г. М. Прохоров объясняет это тем, что в 1375 г. Тверь была «насилъно включена в состав великорусской политическо-й системы», а ее летопись «существовала была в качестве трофея в Москве и включена там в великорусский свод»; «после катастрофы 1375 г. должны были пройти годы, прежде чем тверское летописание вновь начало подавать какие-то признаки жизни». ²⁸ Но все это совершенно неверно. Тверское княжество было в 1375 г. побеждено, но не уничтожено и не присоединено; тверские князья продолжали оставаться великими князьями, их княжество сохраняло независимость и имело свое летописание еще более столетия — до 1486 г.

²⁵ Прохоров Г. М. Центральнорусское летописание второй половины XIV в., с. 172—175.

²⁶ Там же, с. 172.

²⁷ Ср.: Дурьев И. С. Общерусские летописи XIV—XV вв., с. 61, прим. 127—129.

²⁸ Прохоров Г. М. Центральнорусское летописание второй половины XIV в., с. 171.

Предположение о том, что через ЛВП и Рог. проникло тверское летописание и том виде, в котором оноปรากฏилось в 1375 г., противоречит и еще одному обстоятельству. Сравнивая текст тверского летописания в Рог. и Тверском сборнике, с одной стороны, и во фрагменте (1314—1344 гг. — с другой, мы можем убедиться, что, в отличие от фрагмента, Рог. и Тверский сборник включает серию общерусских известий, совпадающих с Сям. (Гр.): о походе Юрия Московского к Выборгу и 6831 (1322) г., об нападении Ивана Калиты на ильиничинов в 6835 (1327) г. и ряд других.²⁹ Г. М. Прохоров, отметивший отдельные статьи тверского фрагмента в Рог. и другим летописям,³⁰ к сожалению, совсем игнорировал то, чего нет в этом фрагменте по сравнению с Рог. и Тверским сборником. А между тем предполагать, что все эти известия, совпадающие с Сям. (Гр.) и читающиеся в Рог. и Тверском сборнике, были впоследствии отысканы и введены составителем тверского фрагмента, совершенно невозможно. Очевидно, фрагмент содержит первоначальный текст, а в Рог. до нас дошло тверское летописание не в редакции 1375 г., а (как и в Тверском сборнике) в более поздней обработке, примененной под влиянием общерусского летописания не ранее конца XIV — начала XV в.

Если анализ средней части Рог. за 1285—1375 гг. не позволяет видеть в ней текст ЛВП XIV в., то еще более невероятно отношение к этому летописцу первой части Рог. — до 1285 г. Краткий летописец, читающийся в этой части Рог. и сходный с некоторыми другими летописцами (Летопись Авраамки, Летопись Павла), представляет собой, как установил еще А. А. Шахматов, соединение двух летописок — новгородской и суздальской. Шахматов считал, что новгородским летописцем Рог. был свод 1448 г. — общий источник Софийской I и Новгородской IV летописей; автор этих строк, отметив ряд отставий Рог. от Софийской I и совпадений с Новгородской IV, пришел к выводу, что первоисточником летописки Рог. и сходных с ней летописцев была Новгородская IV летопись.³¹ Г. М. Прохоров принимает этот вывод.³² Но текст Новгородской IV летописи во всех известных нам списках доведен по крайней мере до 30-х годов XV в.; большинство из них доходит до еще более поздних дат. До 1448 г. доходит общий текст Новгородской IV и Софийской I летописей; следовательно, их общий протограф был создан не ранее 1448 г.³³ Следовательно, текст, занима-

²⁹ Ср.: Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв., с. 51.

³⁰ Прохоров Г. М. Наблюдения к материалам Роговского летописца, с. 202—203.

³¹ Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв., с. 87—91.

³² Прохоров Г. М. Центральнорусское летописание второй половины XIV в., с. 169.

³³ Г. М. Прохоров, по-видимому, устремляет это затруднение силой на то, что, согласно ему предполагается, возникновение Новгородской IV летописи оказывается возможным датировать серединой XIV в. (Прохоров Г. М. Летописные подборки рукописи ГИМ, Р. IV. 603 и проблема сводного общерусского летописания. — ТОДРЛ, т. XXXII, Л., 1977, с. 105—

вованный на Полтавской IV летописи, никак не может рассматриваться как текст ЛВР 1375 или 1392 гг.

Таким образом, восстановление текста ЛВР на основе Рог. представляется невозможным. Но нельзя ли восстановить текст ЛВР на основе Сим.?

В отличие от Рог. Сим. почти совершенно однородна по составу (если не считать упомянутых выше вставок из Московского свода конца XV в.). Это общерусский свод, не включающий тех многочисленных новгородских добавлений и больших повестей, которые характерны для протографа Софийской I и Новгородской IV летописей (свода 1448 г.) и последующего летописания.²¹ Если считать, что текст ЛВР сохранился в Сим., то реконструкция этого текста представляется довольно простой: его можно представить по тексту Лаврентьевской, а с 6685 (1177) (с этого года начинается Сим. — более ранней части и ней нет) по 6898 (1390) г. — по Сим., с исключением упомянутых выше вставок из Московского свода конца XV в. Если представить себе текст ЛВР таким образом, то памятник этот надо будет, очевидно, рассматривать вслед за А. А. Шахматовым как общерусский свод, связанный с митрополитом Кириллом (схема 3).

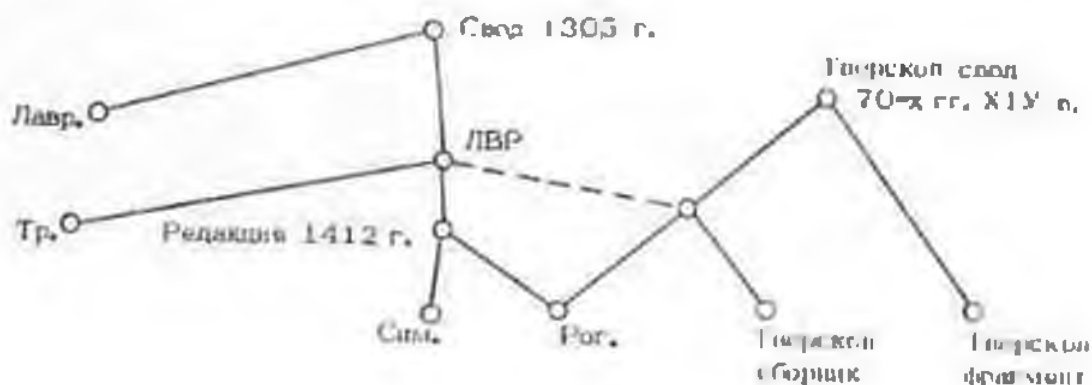

Схема 3.

Но не противоречит ли этому выводу то единственное конкретное указание на ЛВР, которое содержится в цитате из Тр., приведенной Н. М. Карамзиным? Ссылка Тр. на ЛВР и подтверждение слов о нечестности новгородцев, выразившемся, в частности, в их ссорах с Александром Невским, не препятствует, на наш взгляд, та-

198). Но и в этой статье, выводы которой нам не представляются убедительными (ср.: Л у р ь е Н. С. Еще раз о своде 1448 г. и Новгородской Карамзинской летописи. — Там же, с. 199—218), автор никак не опроверг того обстоятельства, что общий протограф Софийской I и Новгородской IV доходил до 1418 г. и, следовательно, не мог быть старше этого года; кроме того, и выборки из Новгородской Карамзинской летописи, которые автор рассматривает как равно-временно возникшие памятники, доходят до 1411 и до 1428 гг., следовательно, и они не могут быть датированы XIV в.

²¹ Ср.: Л у р ь е Н. С. Общерусские летописи XIV—XV вв., с. 67—121.

тому выводу. Как и Лаврентьевская летопись, Сим. содержит ряд известий о столкновении Новгородца с великими князьями начиная уже с XII в., и частности о их столкновении с Александром Ярославичем. Здесь рассказывается о том, что в 1253 (1255) г. «сстави дивол пражду» между новгородцами и Александром «и бысть крамола в Новгороде», в результате которой был нагнан сын Александра, и князю пришлось приехать самому для прекращения пражды.

Более серьезным препятствием к отождествлению текста Сим. и ЛВР представляется то обстоятельство, что Тр. в указанной цитате ссылалась на ЛВР как на какую-то особую летопись, между тем как при таком построении нам пришлось бы признать текст ЛВР и текст Тр. до 1390 г. в основном идентичным. Но и этот факт может быть объяснен. Свод 1408 г., содержащийся в Тр., был летописью, составленной уже после смерти Кириана в 1408 г., в период, когда митрополитий престол был вакантным. Хотя и написанный на «харитье», памятник этот, очевидно, не был официальным митрополитским сводом. Иное дело свод 1389—1390 г., составленный после триумфального возвращения в Москву Кириана. Переписанный в начале XV в., после смерти митрополита, его свод с небольшими добавлениями за конец XIV—начало XV в., летописец мог рассматривать свой труд как недостаточно официальный и сослаться на близкий к нему по составу, но зато весьма авторитетный ЛВР.²⁶

Возведение текста Сим. (а частично и Рог.) к ЛВР хорошо объяснило бы отсутствие в последующем летописании следов какой-либо иной московской летописной традиции XIV в., кроме дошедшей до нас в Тр.—Сим. Оно позволило бы наметить и довольно полную картину развития московского общерусского летописания. Как свод 1408 г. (Тр.), так и свод 1448 г., лежачий в основе Софийской I и Новгородской IV летописей, — митрополиты

²⁶ В статье «Переменные вопросы русского летописания XIV—XV вв.» В. А. Плугин подчеркивает, что в ссылке на ЛВР автор Тр. «однозначно указал своему потенциальному читателю» на различие между собственной летописью и ЛВР: «Криптоязыком здесь быть не может — речь идет прежде всего о материалах, которых не тем или иным причинам не было в составе митрополитского свода 1408 г.» (История СССР, 1978, № 4, с. 80). Однако и примечания к этим словам автор нарушает наложенный им запрет на «кривотолки» и привлекает заслуживающее внимания предположение о том, что автор ссылки в Тр. мог сослаться на ЛВР как на единственный реально существовавший в 1392 г. московский свод и затем полностью использовать его в собственном летописце и что под ЛВР «последнейшей редактор кириановского свода» мог подразумевать «свою непосредственный источник — митрополитский летописец». Однако в конце концов Плугин отвергает эти предложения на самом варианте, сославшись на обнаружение «опечаток, походящих к московскому летописанию XIV в. и отличающихся от текстов Троицкой» (там же, прим. 21). Речь идет в основном о тех дополнениях к летописанию XIV—XV вв., которые содержатся в Никоненской летописи. Не останавливаясь здесь на этих вопросах подробно, заметим, что все эти известия представляются нам редакторскими интерполляциями XVI в., типичными для Никоненской летописи.

своды; следы московского великокняжеского летоисчисления мы обнаруживаем лишь с середины XV в. (Никаноровская и Вологодско-Пермская летоисчисления непосредственно предшествующие им памятники).²⁶ Если отказаться от предположения о ЛВР как о московском великокняжеском своде конца XIV в., то можно считать, что вплоть до середины XV в. создание общерусских сводов в Москве находилось всецело в руках митрополичьей кафедры, а лишь с середины века и в связи с разрывом с патриархией и полным подчинением митрополии великим князьям стали вестись официальные великокняжеские своды.

Но как ни заманчиво такое построение, оно все же остается предположительным. ЛВР выск из гипотетических сводов, устанавливаемых сравнительно-текстологическим путем, то важное на первый взгляд преимущество, что о его существовании прямо говорится в источниках.²⁷ Но речь идет только о самом факте существования этого памятника. Как только мы попытаемся выйти за пределы простой констатации этого факта и определить, что же все-таки представлял собой ЛВР, мы неизбежно становимся на путь гипотез, а то и прелюстных догадок. Свод 1412 г. (протограф Сим.—Рог.) мог не идентифицировать текста Тр. после 1390 г., но все же восходить, как предполагал М. Д. Приселков, к своду 1408 г. (а не непосредственно к ЛВР). Если даже в основе свода 1412 г. лежал свод 1390 г. (а не свод 1408 г.), то не обязательно считать, что имело он назывался ЛВР и что последний мог быть только московской летописью.²⁸

Итак, при имеющихся данных вопрос о протографе Тр., Рог. и о ЛВР нельзя считать решенным. Видимо, наиболее правильно было бы определять протограф Тр., Сим. и Рог. как московский

²⁶ Ср.: Л у р ь е Я. С. Общерусские летоисчисления XIV—XV вв., с. 141—149.

²⁷ Ср.: П р о х о р о в Г. М. «Летоисчисл. Великий Русский», с. 69.

²⁸ Вопреки Г. М. Прохорову, нет оснований утверждать, что только текст Рог. удовлетворяет «обязательному для Летоисчисления великого Русского условию» — упоминанию столкновений великих князей, и частности Александра Невского с Новгородом (П р о х о р о в Г. М. «Летоисчисл. Великий Русский», с. 77). В Московско-Академической летописи, отражающей ростовское или ростово-суздальское летоисчисление XIV в., год 6767 (1259) г. расценивается как раз о соре Александра Невского с новгородцами: «князь Александр бежа из Новгорода, приеха в Ростов...» (ИСРЛ, т. I, вып. 3, л., 1928, столб. 524). И даже если считать, что Тр., связан с известием ЛВР о соре Александра Невского с Новгородом, пришла в яду повествование Рог. за 6748 г., то и это не будет означать идентичности ЛВР Рог. в целом. Как установил А. А. Шахматов, первая часть Рог. до 6793 г. представляет собой соединение новгородского свода (в котором мы уже писали) с известными вавкой то своеобразной суздальской летописи. Именно к числу этих последних известных (исчезнувших в Новгородской IV) принадлежат и известие Рог. за 6748 г. Таким образом, если считать главным условием для определения ЛВР наличие известия о соре Александра с новгородцами, то этому условию мог отвечать и неоконченный свод XIV в., который составил Тр. предлагая прочесть до времени «книгу названного» (что вовсе не значит, что он закончившаяся временем Василия I).

митрополичий свод конца XIV—начала XV в., в составе которого мы можем судить по фрагментам Тр. до 1300 г. и по Сым. Возможно, что этот свод именовался ЛВР, но отождествление ЛВР на всем его протяжении с реально дошедшими до нас памятниками, в частности, с таким сложным по составу и явно неофициальным летописцем, как Рог., представляется малоубодотворным. Основным путем решения этой проблемы, как и других вопросов истории летописания XIV в., остается путь сравнительно-текстологического исследования дошедших до нас памятников (в частности, полного определения летописных цитат Караванина, которое необходимо из-за недоступности печатанной работы М. Д. Приселкова) и новых археографических поисков.

Ю. С. ВАСИЛЬЕВ

ЛЕТОПИСНОЕ НАСЛЕДИЕ ПОМОРЬЯ

Русский Север — это территория, простиравшаяся от Белозера и Вологды до морей Ледовитого океана, от границы с Финляндией до Уральских гор. На официальном языке приказаного делопроизводства XVI—XVII вв. данный регион именовался Поморскими городами или просто Поморьем. (Гермин известен с XIV в., был наиболее употребим в XVI—XVIII вв.¹). Этот край, не испытавший опустошительных монголо-татарских нашествий, гнетущей власти помещика над крепостным, являлся естественным хранителем народных бытовых традиций и народной художественной культуры.² Север сохранил для потомков замечательные образцы устного народного творчества, в том числе былинны — «историко-рассказанную пародию» (выражение В. Д. Грекова), образцы народной архитектуры, живописи, прикладного искусства.

Север сохранил ряд литературно-публицистических произведений XV—XVII вв.³ и массу ценнейших письменных источни-

¹ Пастуховский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1909, с. 1, 9—28; Колесников Н. А. Северная деревня в XV—первой половине XIX века. К вопросу об эволюции аграрных отношений в Русском государстве. Спб.-Лпн. изд-во, 1976, с. 35—62; Васильев Ю. С. Об историко-географическом понятии «Заволожье». — П. кн.: Проблемы истории феодальной России. Л., 1971, с. 109.

² Фольвар и этнография Русского Севера, Л., 1973, с. 3.

³ Викторин А. В. Описи рукописных собраний в типографиях Северннй России. СПб., 1830; Пикольский П. К. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV в. СПб., 1807; Дьяченко Д. С. Новые открытия памятников русской письменности и литература. — Вестн. АН СССР, 1972, № 4, с. 55—66; Кукушкин М. В. Монашарские библиотеки Русского Севера. Очерки по истории книжной культуры XVI—XVII веков. Л., 1977.